

А I ш а

Написано Тобой

18+

Аіша

Написано тобой

«Автор»

2026

Аіша

Написано тобой / Аіша — «Автор», 2026

Люди, создающие книги сами, воюют с теми, кто выдаёт тексты нейросети за собственные. За фальшивую отметку «100% человек» наказывают как за мошенничество и лишают права зваться автором. Нина три года работала над своим романом. На сертификации проверка находит совпадения с архивом поколений, и эти записи старше её черновиков. Вместо издательства — допрос. Дело ведёт следователь Адам Орлов. Он убеждён, что защищает читателей от обмана, и доверяет подсказкам алгоритма больше, чем себе. Пока не узнаёт, откуда его безупречный помощник берёт свои знания. Эта правда переворачивает всё. Чтобы спасти Нину, ему придётся пойти против системы, которой он служил. Эта история — открытый эксперимент: замысел, герои и сюжет принадлежат человеку, а текст создаёт ИИ.

© Аіша, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Аіша

Написано тобой

Глава 1

Написано тобой

Глава 1. Сто процентов

— Какая нейросеть написала ваш роман?

Я убрала ладонь с титульного листа. Поперёк фамилии остался синий след: утром, заправляя ручку, по глупости испачкала пальцы. Перед выходом долго отмывала их, а в приёмной обнаружила чернила ещё и на манжете. Из-за этого всё время хотелось поправить рукав.

— Я его написала.

Мужчина напротив коснулся столешницы. Под стеклом открылась моя заявка с фотографией, которую сделали на входе.

— Полное имя.

— Нина Петрова.

— Следователь Адам Орлов. Я веду проверку вашего заявления об авторстве.

В приглашении значилось «личное рассмотрение заявки». Я запомнила эту формулировку, потому что обрадовалась возможности поговорить со специалистом. Теперь пришлось положить руки на колени, чтобы перестать одёргивать манжету.

Орлов был коротко острижен, на лбу к брови спускался косой шрам. Чёрный воротник застёгнут под горло, на груди виднелась светлая табличка с фамилией. Он сидел ровно и смотрел на меня, ожидая подтверждения, что я его поняла. При таком пристальном взгляде трудно было собраться с мыслями.

За спиной щёлкнул замок. Я обернулась к жёлтому индикатору над дверью.

— На время беседы, — пояснил он. — Здесь хранятся материалы с ограниченным доступом.

За матовой перегородкой в соседней кабине двигались два силуэта. Воздух пах нагретым пластиком, под потолком мерно гудела вентиляция.

Я подвинула папку к середине стола.

— Здесь последняя редакция. Если понадобятся ранние, они приложены к заявке.

На печать трёхсот восемнадцати страниц ушла почти вся сумма, которую я отложила на обложку. Пришлось даже заранее вложить в распечатку несколько страниц ранних версий и выбрать места, на которых проще всего показать, как менялся роман. Полоски бумаги помогали быстро найти нужный эпизод. Под задней обложкой лежали девять листов из блокнота: первый план и сцена, которую я несколько раз начинала заново.

Орлов открыл заключение.

ЗАЯВЛЕНО АВТОРОМ — 100%.

ПОДТВЕРЖДЕНО СЛУЖБОЙ — 12%.

— Заявленная категория требует полного подтверждения, — произнёс он.

Я проверила имя над результатом. Фотография была моя, номер заявки тоже.

— На чём основан вывод?

— На сопоставлении текста с архивом генераций и анализе истории правок.

— Я писала три года. Вы можете проследить их по черновикам.

— Анализ включал все представленные версии. Подтверждены редактур и составление. Слово «составление» задело сильнее всего. Я открыла папку на первой закладке.

— Посмотрите сюда. В раннем варианте героиня уезжает. Здесь мне пришлось переписать сцену: она остаётся в квартире, а чемодан прячет под кровать. Пришлось переделать три следующие главы. Вот они.

Из-за нервозности я пролистнула рукопись слишком далеко. Пришлось поспешно вернуться к началу сцены.

— Расписывая план по главам, стало понятно, что Агнес собиралась уйти только затем, чтобы муж её остановил. А он вызвал ей машину. После этого она должна была остаться. Из гордости. Понимаете?

Орлов прочитал отмеченный абзац, затем поднял глаза.

— Понимаю, какую задачу вы решали. Такие изменения учтены.

— Это и есть работа над книгой.

— В том числе. Она возможна и на основе стенограммированного текста.

Я прижала раскрытую папку ладонью. Мне было обидно. Знал бы этот сухарь с каким усердием пришлось готовиться к встрече. Даже выбрала сцену, которой гордилась, рассчитывая, что он оценит её и станет слушать внимательнее.

— Вы прочли роман?

— Фрагменты, на которых построено заключение.

— Тогда мы обсуждаем разные вещи.

— Мы обсуждаем происхождение текста, Нина. От этого зависит дальнейшая процедура.

Он впервые назвал меня по имени. Произнесённое таким тоном, оно прозвучало предупреждением. Я выпрямилась и закрыла папку.

Ещё утром мне хотелось поскорее получить знак подтверждения. В вагоне напротив меня девушка искала книгу: любовная история, благополучный финал. Потом открыла дополнительные настройки и передвинула ползунок «Человеческое участие» до ста процентов. На экране осталось восемь обложек.

Она выбрала одну, прочитала начало и вернулась к списку. Мне стало досадно за неизвестного автора. Через секунду я уже вспоминала собственный первый абзац и прикидывала, что в нём стоило бы сократить. До своей остановки так и просидела с рукой на застёжке сумки, сдерживая желание достать рукопись.

Теперь вопрос о читателях отодвинулся. Я пыталась сообразить, какое доказательство ещё могу предъявить.

— В каком редакторе вы работали? — спросил Орлов.

Я назвала программу.

— Генеративные функции использовали?

— Отключила при установке. Мне мешали подсказки.

— Есть журнал ввода, заверенный Службой?

— Есть история сохранений.

Он отметил ответ в протоколе.

В завершённом редакторе фиксировалось каждое нажатие клавиши. Подписку следовало оплачивать с самого начала работы; мне она тогда была дороговата. Я рассчитывала обойтись черновиками. Собственных папок с датами и резервных копий казалось достаточно.

— История сохранений доступна для изменения, — объяснил он. — Поэтому она рассматривается вместе с остальными материалами.

— И кто решает, какие из них достоверны?

— Система проверки. Её заключения проходят автоматический аудит.

Адам открыл сведения об аудите и развернул экран ко мне. Все этапы проверки были выделены зелёным. Его палец задержался на последней отметке, давая мне время прочесть результат.

Следом открылся новый документ.

— Вы можете скорректировать декларацию. Признайте использование ИИ, сможете выйти сегодня, — вновь прозвучал сухой голос следователя.

— А книга?

— Переходит в синтетические. Ваше имя уберут.

Надпись «Отказ от авторства» занимала верхнюю строку. Рядом появилась будущая карточка публикации: название, выбранный мною серый фон, пустое место для фамилии.

Я потянулась к голографическому тексту.

— Осторожно, — быстро сказал Адам. — Это поле подписи. Условия открываются здесь.

Он увеличил документ, отодвинув кнопку к дальнему краю стола. Я убрала руку. Его предостережение немного успокоило: по крайней мере, мужчина следил за тем, чтобы подозреваемые понимали, что делают.

В условиях быстро нашелся нужный пункт. Подписав заявление, писатель отказывался от притязаний на авторство всего произведения.

— А мои двенадцать процентов?

— Текст остаётся в обращении целиком. Вы одобряете изменение его статуса.

— И моё согласие подтверждает, что я вас обманула. — Мой голос прыснул ядом. Удивительно, как слюна не прожгла дырку в столе.

— Добровольное исправление декларации позволяет закончить дело на этой стадии.

— Что будет, если я стану оспаривать заключение?

— Повторная экспертиза. Изъятие устройств для исследования. Приостановка доступа к авторскому профилю. Если ложная декларация подтвердится, дело передадут дальше.

Адам перечислял последствия спокойно, оставляя паузы после каждого пункта. Какая банальная тактика: говорить медленнее, когда собеседник взволнован. Интересно, как часто это помогало? Сейчас меня раздражала каждая пауза.

— Дайте мне бумагу. Вы скажете, о чём писать. Я напишу при вас.

Он чуть наклонил голову, обдумывая ответ.

— Это подтвердит, что вы умеете писать. Для экспертизы романа нужны сведения о его создании.

Возражение было справедливым. Я перебирала возможные темы, уже воображала, как заполню страницу, и с трудом отказалась от этой мысли. Привычная работа позволила бы хотя бы на несколько минут почувствовать себя увереннее.

За ухом Адама мигнул огонёк. Вдоль раковины шла прозрачная дужка наушника. Он замолчал, слушая подсказку, затем снова обратился ко мне:

— Я хочу вам помочь.

Нет, они правду нас за дураков держат? Все знают, что следователи ведут допрос четко под надзором системы контроля. Что же этот голосок впел Орлову в мозг на мой счёт...

— Вы это сейчас сами сказали?

Его пальцы остановились над стеклом. Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

— Покажите. Источник. С которым. Совпал. Мой. Текст. — продолжила я увереннее, отделив каждое слово на манер Адама.

Орлов открыл архивную карточку. Под длинным номером записи стояли дата и название модели. Ниже виднелась одна рукописная строка.

— «Закон обязывал его определить Агнес в карцер, но чувства...» — прочитал мужчина.

Сухарь! Ни грамма эмоций не вложил в такой момент истории! Надзиратель уже знал, что Агнес помогла бежать заключённому. Я хотела, чтобы он нашёл повод её оправдать, и всякий раз упиралась в одно и то же. Агнес отказывалась от удобной лжи, которую он ей предлагал. Сперва я сердилась на неё. Потом поняла, что пытаюсь заставить героиню оправдываться перед человеком, который сам должен сделать выбор.

В ту ночь я оставила фразу недописанной и перешла к следующей главе. Вернулась через неделю. Сохранила новую редакцию в отдельном файле, а эту строку удалила: к тому времени уже знала, какой приказ он подпишет и как потом будет передавать Агнес её вещи.

— Это ранний вариант. В материалах к заявке его нет.

— Вы утверждаете, что написали и этот фрагмент?

— Да. В том же редакторе. Потом стёрла.

— Когда?

Я отчётливо помнила свой стол в тот вечер: чашка у края ноутбука, открытая справка о тюремном распорядке, несколько строк, перенесённых из блокнота. Число приходилось угадывать.

— Прошлой зимо й. Точную дату нужно смотреть в сохранениях.

Адам внёс ответ в протокол.

— Откуда она попала в архив?

— Из сеанса генерации. Его номер перед вами.

— Покажите, что человек написал модели, прежде чем она выдала эти слова.

Адам открыл сведения об источнике. Несколько строк оставались закрытыми. Он просмотрел доступные поля.

— Исходный запрос входит в защищённую часть архива.

— Вы можете его получить?

— При повторной экспертизе система проверит исходные данные.

Он вернулся к заключению. В длинном списке совпадений открытый фрагмент занимал одну строчку. Ниже шли главы, сцены, реплики с пометками о степени сходства.

— Проверка учитывает совокупность материалов, — сказал Адам. — Сохранённый у вас текст мог происходить из указанного сеанса. Удаление строки из поздних версий этого не исключает.

Он предложил проверить записанные показания. Я пробежала глазами несколько строк. Адам точно передал мои слова о черновике и приблизительном времени работы над ним. От этого становилось ещё тяжелее возражать: меня выслушивали, всё записывали, а затем возвращались к прежнему выводу.

— Вы мне верите?

Он поднял глаза. При свете стола они казались почти серыми.

— Системе незачем вам врать.

На экране светилось поле подписи. Одного прикосновения хватило бы, чтобы получить обратно ручку и телефон, выйти из здания, позвонить домой.

— Я буду оспаривать заключение.

— Вы понимаете последствия?

— Да. Запишите, что я утверждаю своё авторство и прошу проверить происхождение архивной записи.

Адам внёс формулировку целиком. Дождавшись, пока он закончит, перепроверила её на экране.

В коридоре слышались шаги. Индикатор над дверью стал красным.

Дверь открылась, и вошла сотрудница с пустым лотком. Она поставила его на стол, сверилась с номером дела и протянула руку к моей папке.

Я успела накрыть её ладонью.

— Подождите. Я должна получить опись.

Сотрудница посмотрела на Адама.

— Оформим при вас, — сказал он. — Возьмите папку. Пройдёмте.

В коридоре оказалось прохладнее. После долгого сидения затекло тело; я старалась ставить ногу ровно, чтобы хромота прошла к концу прохода. Адам шёл рядом. Сотрудница несла лоток впереди нас.

У развилки я увидела знакомую лестницу. Утром меня подняли по ней в отдел рассмотрения заявок. За стеклянными дверями внизу двигалась очередь, кто-то стягивал перчатки, кто-то показывал приглашение. Оттуда доносился голос, объявлявший номера.

Я замедлила шаг.

— Сюда, Нина.

Адам остановился у боковой двери. Над ней загорелось «Приём носителей».

— Я смогу уйти после описи?

— Сначала оформим изъятие. Затем будет определён порядок дальнейшей проверки.

Крепче прижав папку к груди, пришлось пойти за ним.

В комнате было два стола. На одном лежали раскрытые пакеты, на другом стояла рама сканера. В глубине помещения, за стеклом, двигались ячейки хранилища. Узкая полоса света пробегала по их торцам, останавливалась у нужной, и та выдвигалась навстречу механическому захвату.

Сотрудница с лотком села за первый стол. В её сером жилете была прорезь для пропуска; когда она наклонилась, из неё выскользнула цепочка. Женщина привычным движением запретила её обратно и назвала номер дела.

Из приёмного окна приехали мои вещи. Телефон, ключи, ручка с остатками синей краски на колпачке. Утром всё это забрали на входе. Теперь каждому предмету присвоили отдельный номер.

Пока сотрудница проверяла телефон, я расстегнула папку и пересчитала девять листов из блокнота. Два были сложены вчетверо. На одном остался круг от чашки, на другом я сперва писала поперёк строк, потом перевернула лист и продолжила с обратной стороны.

— Их нужно перечислить отдельно, — сказала я.

— Передавайте всё вместе.

— Это рукописные черновики.

— Эксперт разберёт вложения при вскрытии. Сейчас я принимаю папку.

Она поставила передо мной экран. В перечне уже появились телефон, ручка и «печатные материалы в картонной обложке». Внизу ожидало подтверждение комплектности.

— Здесь указана распечатка. Про эти листы ничего нет.

— Они войдут в скан.

Женщина придвинула к себе папку. Я удержала за угол последний лист, и бумага натянулась между нами. В местах сгиба она давно протёрлась; от света лампы проступили четыре маленькие дырочки.

— Положите, пожалуйста, — сказал Адам.

Я отпустила лист. Сотрудница расправила его на площадке, опустила прозрачную крышку. На экране появилась ровная страница. Белый фон, чёрные строчки. Карандашные пометки на полях исчезли.

— Выключите обработку.

— Это режим для текста. Он убирает фон и повышает читаемость.

Я указала на пустое поле справа.

— Там написано, почему я переделала сцену.

Женщина посмотрела на бумагу под крышкой. Я знала, что ей приходится шуриться: карандаш был светлый, да и почерк там едва можно было разобрать. Писала на колене, в автобусе, чтобы не забыть озарившую меня идею.

Сотрудница подняла крышку и подвинула лист ближе к лампе.

— Разберут по оригиналу. На хранение он уйдёт вместе со сканом.

— Тогда впишите оригиналы в опись.

За нашей спиной щёлкнула дверь. Вошёл мужчина с ноутбуком в прозрачном чехле. Сопровождавший его сотрудник остановился у порога, ожидая, когда освободится стол.

Женщина перевела взгляд на них, потом на Адама.

— Орлов, у вас обычное изъятие. Подробное описание делает эксперт.

Он взял свободный стул и поставил рядом со сканером.

— Девять рукописных листов. Фотографии обеих сторон, без обработки. Приложим к акту приёма.

— Это придётся вручную.

— Я внесу описание.

Мне освободили место у стола. Я села, оставив пальто на плечах: руки мёрзли, а снять его и куда-нибудь повесить означало устроиться здесь надолго.

Первый лист мы сфотографировали трижды. Сперва край загнулся и закрыл две строчки, потом мешал блик от прозрачной крышки. Сотрудница достала матовую прижимную плёнку. Адам держал лист за свободный угол, пока она закрепляла противоположный.

— Здесь продолжение? — спросил он, перевернув бумагу.

— Да. Начинается от стрелки.

Он подвинул лампу. Теперь карандашные слова проступили и на экране: «Она возвращается за чемоданом. Зачем? Вещи ей уже не нужны».

Я поспешно посмотрела на следующий лист. Утром я собиралась показывать свои удачные решения. Теперь перед посторонними людьми лежали вопросы, на которые я месяцами искала ответ, сердитые пометки самой себе и три версии одной реплики, зачёркнутые так сильно, что бумага продавилась.

— Можно эту сторону тоже, — сказала сотрудница.

Я перевернула лист.

Адам записывал количество страниц, цвет чернил, расположение сгибов. На одном из снимков в углу осталась его рука. Он заметил это при просмотре и попросил переснять.

Я следила за ним. Ещё десять минут назад мне казалось, что любое возражение он станет считать уловкой. Сейчас из-за моей просьбы он задерживал приём и сам описывал листы, что были так дороги мне.

— Спасибо, — мой голос должен был прозвучать тихо, но в царившем молчании прозвучал сродни крику.

Он кивнул и продолжил описание.

— Почему вы согласились? — спросила я, когда сотрудница отнесла готовые снимки ко второму столу.

— Вы указали на сведения, которые могут потеряться при приёме.

— Но, по-вашему, эти черновики ничего не докажут.

— Их значение определит экспертиза. В акте должно быть точно указано, что вы передали.

Он закончил описание и повернул ко мне экран. Девять листов, восемнадцать снимков. Теперь я могла проверить каждое слово и поставила подпись под перечнем.

Папку уложили в пакет. Клейкая полоса схватила края с обеих сторон. Я смотрела, как сотрудница проводит по шву пальцем, проверяя, везде ли он закрылся. Когда пакет увезли за стекло, на столе осталось несколько бумажных полосок, которыми я отмечала главы. Они выпали при сканировании.

Я собрала их. Адам молча придвинул ко мне ещё одну, упавшую возле его локтя.

— Копию акта направят в ваш профиль, — сказала сотрудница.

— Дайте бумажную. Доступ к профилю приостановлен.

Она открыла меню печати. Рядом с актом стояли ещё два документа: уведомление о повторной экспертизе и перечень материалов, на которых основывалось заключение.

— И этот перечень, пожалуйста.

Адам подтвердил выдачу. Принтер втянул лист, прогрел его и начал выводить строчки. Я потянулась за бумагой слишком рано. Нижний край оставался внутри, пришлось придержать лист и подождать.

В перечне шли архивные номера. Некоторые сопровождались пометкой об ограниченном доступе, возле других стояли названия файлов. На второй странице я увидела название книги. «До утреннего обхода».

В графе «Тип материала» значилось: «Общедоступная публикация».

— Что это?

Адам наклонился к листу.

— Один из текстов для сопоставления.

— Его можно открыть?

Сотрудница уже выдвинула чистый лоток следующему посетителю. Адам взял мой перечень и прошёл к терминалу у стены. На экране появилось предложение выбрать читательскую подписку. Он приложил пропуск к краю панели, ввёл номер материала, и реклама сменилась обложкой.

Я встала рядом. От терминала пахло средством, которым протирали стекло.

На обложке женщина в тёмном платье держалась за решётку. За её спиной угадывалась фигура мужчины. Я смотрела на название, на чужой рисунок, на ровную строку под ним.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ — 0%.

Ниже были кнопка чтения и дата публикации. Семь месяцев назад.

В тот месяц мне приходилось тратить часы на продумывание финала истории. Я взяла несколько смен подряд, чтобы потом освободить себе четыре дня, закупила продукты и выключила телефон. На второй день окончательно рассорилась с собственным сюжетом. Так и провела половину этих коротких каникул, перебирая заметки на кухонном полу.

— Откройте вторую главу.

Адам сделал веленное. Перед нами проявился текст:

Агнес стояла у кровати и слушала, как внизу ждёт вызванная мужем машина. Застёжка на чемодане заела. Девушка потянула сильнее, защемила кожу на большом пальце, а потом опустила на колени и затолкала чемодан под кровать.

Я прочла ещё один абзац. Муж спросил из коридора, долго ли она будет собираться. Агнес ответила, что ищет перчатки.

Я знала следующий ответ. Знала, где он стоял, когда произносил его, и почему после этого разговора Агнес переставала здороваться с привратником. В первой редакции я даже описала перчатки: серые, с заштопанным средним пальцем. Потом убрала подробность, потому что читатели начали бы ждать, что она пригодится.

Здесь перчатки остались.

Я наклонилась к экрану и прокрутила текст дальше. Несколько предложений были переставлены. Между знакомыми абзацами появилось подробное объяснение того, что чувствовала Агнес. Я пропустила его, добралась до следующего разговора и узнала обе реплики.

— Это моя книга.

В комнате продолжали звенеть лотки. Мужчина с ноутбуком диктовал пароль сотруднице, сбивался и начинал сначала. Мне хотелось, чтобы они помолчали хотя бы минуту.

— Зафиксируем, какие фрагменты вы оспариваете, — сказал Адам.

— Все. Откройте одиннадцатую.

Сцена наказания начиналась почти так же, как у меня. Агнес сняла пальто и повесила его на спинку стула, хотя её ещё никто не пригласил садиться. Надзиратель убрал со стола второй

стакан. На этом движении я задержалась: когда писала, долго выбирала, в какой момент он выдаст, что ждал её прихода.

В опубликованном тексте он тут же объяснял Агнес, как устроит ей побег.

Я прокрутила страницу назад. Перечитала.

В моей версии он подписывал приказ. Потом, у двери карцера, держал в руках её пальто, пока она выворачивала карманы для досмотра. В правом лежал купленный для него мандарин. Агнес положила его на табурет рядом с ремнём и шнурками. Он так и остался там, когда её увели.

Я помнила, как придумала этот мандарин. Перекладывала продукты из сумки, один укатился под батарею, и, пока я доставала его, вдруг поняла, что Агнес собиралась к нему ещё до вызова. Хотела прийти сама. В разговоре она об этом промолчала бы.

Здесь они делили мандарин в машине. Он вёз её за город. На следующей странице уже целовал.

— Вы знали, что книга опубликована?

— Карточку я открыл вместе с вами. В заключении были указаны совпадения и архивные сеансы.

— Эти сцены взяли у меня, пока я ещё работала над историей.

Адам посмотрел на дату в верхнем углу.

— Вы понимаете, как это выглядит для проверки? Книга находится в каталоге семь месяцев. Даты ваших черновиков пока подтверждены только вашим устройством. — впервые в голосе мужчины появились хоть какие-то оттенки.

— Публикация появилась позже моих черновиков.

— Поэтому мы и изымаем материалы. Даты сохранений будут исследованы.

Ему было легко связать одно с другим. Существовала книга, доступная любому. Я могла взять её, переделать несколько глав и прийти за подтверждением ста процентов. У меня были повод, три года работы, которые нельзя было заверить задним числом, и программа, способная выполнить всё за вечер.

На той же странице находилось поле «Прочитали»: двадцать восемь тысяч четыреста шестнадцать.

Я нажала на него. Открылись читательские отметки. Кто-то остановился на третьей главе, кто-то читал второй раз. Одна женщина написала, что всю дорогу на работу переживала за Агнес и пропустила нужную остановку. Другой читатель отметил сцену с мандарином.

Отзыв был оставлен пять месяцев назад.

Я столько раз представляла, как незнакомый человек заговорит о моей героине. Хотелось ответить этой женщине, расспросить, какое место её встревожило. Я даже потянулась к значку комментария, прежде чем вспомнила, где стою и чей пропуск открыл мне страницу.

— Мне нужно узнать, кто загрузил текст в модель.

— Ваше требование уже внесено в протокол.

— Там речь об одной записи. Здесь целая книга. Какие материалы нужны, чтобы проследить её до первого файла?

Адам ещё раз открыл сведения о публикации. На экране сменились несколько вкладок.

— Потребуется история вашей работы в редакторе, включая удалённые версии. Сравним её с архивом генераций. При добровольном предоставлении доступа запрос можно отправить сегодня.

— Вы получите только файлы романа?

— Для восстановления последовательности нужен архив учётной записи за весь период. Фильтр по названию пропустит переименованные документы и промежуточные копии.

Я вспомнила папку «Разное». Туда убирала сцены, которыми не очень хотела заниматься: ссоры, написанные на основе моих собственных, разговоры, в которых задним числом находила

себе удачные ответы. В нескольких файлах оставались реальные имена. Иногда я открывала редактор, чтобы написать одно предложение, которое потом долго боялась перечитывать.

— Кто будет читать этот архив?

— Система проведёт сопоставление. Эксперт получит связанные с ним материалы. Я — заключение и приложения.

Он произнёс это уверенно, полагая, что объяснил порядок и тем самым успокоил меня. На соседней вкладке всё ещё были отзывы. Двадцать восемь тысяч читателей уже видели то, что кому-то удалось получить из моих закрытых файлов. Им объяснили чувства Агнес, выпустили её из заключения и предложили выбрать следующую книгу.

— В запросе должно быть указано, что я оспариваю направление заимствования, — сказала я. — Текст попал из моего редактора в модель. Проверьте передачу данных.

Адам внёс формулировку. Потом открыл согласие на исследование архива.

Я прочла его целиком. Когда дошла до поля подписи, он ждал рядом, оставив руки на краю терминала.

— Куда ставить отпечаток? — Адам вздёрнул бровь, одарив меня насмешливым взглядом и ткнул палец к нужному месту. Я проверила, сохранился ли добавленный пункт, приписала название опубликованной книги и её номер. Затем поставила дату и подписалась своим цифровым отпечатком.

Следователь отправил запрос. В уведомлении появился срок предварительного ответа: девять утра следующего дня.

— Ноутбук у вас дома?

— Да.

— Понадобится доступ к устройству. Я оформлю выезд.

Он подошёл ко второму столу, а я осталась у терминала. Служебный сеанс ещё действовал. Я закрыла отзывы и вернулась к началу второй главы.

У чемодана по-прежнему заедала застёжка. Агнес тянула её на себя и прислушивалась к шагам в коридоре.

Под текстом предлагалось настроить чтение. Темп, подробность описаний, эмоциональная насыщенность. Последним стоял переключатель «Изменить финал».

Я забрала с подставки свой экземпляр согласия, сложила оба документа вчетверо и убрала во внутренний карман пальто. Адам уже ждал у двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.